В. Н. Пристенский

ТОПОЛОГИЯ ПРАВА КАК АСПЕКТ ФИЛОСОФИИ ЧЕЛОВЕКА

Статья посвящена топологическому анализу права в контексте проблем философии человека. Автор исследует пространственные связи права и человека, соотношение их мест в структуре социального пространства. Он показывает, что право отображает в структуре социального пространства то место, которое занимает в нём человек с его свободой. Автор приходит к выводу, что в качестве правового пространства выступает не всякое социальное пространство, а только такое, в котором человек занимает центральное место и где реализована его свобода.

Ключевые слова: право, топология права, философия человека, социальное пространство, правовое пространство, свобода.

V. Pristenskiy

TOPOLOGY OF LAW AS AN ASPECT OF PHILOSOPHY OF THE HUMAN

A topological analysis of law in the context of problems of philosophy of the human is presented. Spatial connections between law and the human are investigated in terms of the correlation of their position in social space structure. It is shown that law reflects in the social space structure the place which a person with his freedom has in it. It is concluded that social space may be regarded as law space only if it is the one in which a person has the central place and where his freedom is realized.

Keywords: law, topology of law, human philosophy, social space, law space, freedom.

Современное знание характеризуется преодолением «дисциплинарного раскола», «взаимообменом» естественнонаучных и гуманитарных дисциплин. Наблюдается двусторонний процесс «гуманизации» естественнонаучного знания и «натурализации» гуманитарного знания. В результате этого все большее значение для познания получают «смешанные» концепции (синергетика, социобиология, биополитика и др.), в которых естественнонаучные и гуманитарные компоненты взаимно определяют друг друга. В данных концепциях четко просматриваются переходы от размышлений о природе к обобщающим, философским суждениям о человеке и, наоборот, признается «человекоразмерность» мира, невозможность его описания без учета «человеческого фактора» [34, с. 39–51; 32, с. 631, 641–697, 713; 12, с. 94, 95, 97, 98, 114].

Иными словами, наблюдается тенденция объединения естественнонаучной и гуманитарной «культур», точкой пересечения которых выступает синтезирующая категория человека. Поэтому данное объединение происходит в проблемном поле философской антропологии как специального, целостного, общетеоретического знания о человеке, как философии человека. Вовлекаясь в ее исследовательскую сферу, «смешанные» концепции подчиняются целям полного и всестороннего постижения человека, переосмысливаются, «превращаются» в аспекты философии человека. Одной из таких «смешанных» концепций является топология.

Топология чаще всего определяется как сравнительно молодой и бурно развивающийся раздел математики, изучающий наиболее общие свойства геометрических фигур — свойства, сохра-

няющиеся при любых непрерывных преобразованиях [4; 5; 6; 7; 18; 27]. Однако в наши дни едва ли следует считать топологию лишь частью математики, лишь некоей «качественной» геометрией, поскольку она все шире проникает в самые разнообразные области знаний, все больше приложений находит вне математики [33]. Выходя за ее «пределы», топология как бы возвращает себе свое первоначальное значение, свой буквальный (более широкий) смысл. Она понимается как наука о месте*, как процедура определения места объектов в пространстве, анализа их пространственных связей [8]. Именно в этом ее широком значении топология достаточно интенсивно применяется в современном социально-гуманитарном знании, в том числе и в знании о праве [3; 19; 20; 21; 28; 29; 30, с. 92–110; 35, с. 3–13; 36, с. 3–12; 37]. Включая право в свое проблемное поле, «социально-гуманитарная» топология выступает тем самым как топология права — как процедура определения места права в социальном пространстве, анализа его пространственных связей. Чтобы успешно осуществить данный топологический анализ — определить место права в социальном пространстве, необходимо раскрыть само понятие пространства, выяснить, как оно употребляется в социально-гуманитарном знании.

В социально-гуманитарном знании понятие пространства употребляется почти в его буквальном смысле, как физическая характеристика реальности — как характеристика протяжённости, структурности, сосуществования, взаимодействия, координации элементов отдельного социума и соответствующих отношений между социумами [13, с. 135–142; 16, с. 141–143]. Однако применение подобной характеристики к социальной реальности не редуцирует её к физической. В социальной теории подчёркивается нефизический характер социального пространства. Нефизический — в том смысле, что он задаётся, главным образом, не движением тел, не натуральными свойствами вещей, не природными факторами, а смыслами и социальными формами человеческой деятельности [13, с. 135–142]. Под социальным пространством понимается социально освоенная часть природного пространства как среда обитания людей, поле их социальной деятельности, характеристика социальной структуры общества с точки зрения «расположения» социальных групп, слоев и объектов, «пространственных» условий и возможностей их развития [17, с. 27; 31, с. 273; 26, с. 128–173]. На наш взгляд, данное понятие следует трактовать также с точки зрения «объема» социальных норм и институтов, т. е. с точки зрения социальной «наполненности» / «заполненности» антропосферы. При этом понятие пространства ни в коей мере не является ни характеристикой структуры социальных норм, ни фактором, влияющим на их содержание. «Социально» трактуемое пространство — поистине вместилище для действующих социальных норм, «сосуд», способный заключать в себе любое содержание. Соответственно и выявлено это содержание может быть в различных аспектах, одним из которых (причем, едва ли не самым важным) является правовой.

В данном аспекте содержание социального пространства может быть как правовым, так и неправовым. Критерий такого разграничения связан с антропологическим «измерением» социального пространства, с тем, насколько полно человек «представлен» в его структуре. Это объясняется тем, что право сопряжено с человеком. Он выступает как творец всей социальной реальности, в том числе и ее частного случая — реальности правовой. А значит, право производно от человека. Оно может возникнуть только на личностном уровне социального бы-

тия, как результат экспликации (развертывания) и экстраполяции (распространения) личного начала, внутренне присущих человеку нормативно-ценностных принципов, главным из которых является принцип свободы, и представляет собой форму бытия свободы в обществе, ее институционализацию. Следовательно, критерием содержания социального пространства как правового или неправового выступает степень его «антропоцентричности» и «либерализованности». Социальное пространство, структура которого центрирована на индивида с его изначальной и неотчуждаемой (атрибутивной и имманентной) свободой, заключает в себе правовое содержание и может считаться правовым пространством. Социальное же пространство, структура которого центрирована на начало, превышающее пределы человека, «отказывающее» ему в свободе, сверх- или надындивидуальное (например, на государство) не заключает в себе правового содержания и правовым считаться не может.

Иначе говоря, человек вообще (как вид) выступает в качестве необходимого, системообразующего условия всякого социального пространства. Осваивая природное пространство, он тем самым формирует пространство социальное. В этом плане оно — результат антропогенного воздействия на природу [17, с. 27]. Правовое же пространство, по аналогии с этим, тоже можно рассматривать как результат «антропогенного» воздействия, но уже не на природу, а на само социальное пространство. Системообразующим условием правового пространства выступает не человек вообще, а человек в его определенной ипостаси — как правовое существо, правовая личность.

Чтобы понять это положение, необходимо рассмотреть человека в его соотношении с природой, выяснить, чем он отличается от других природных существ.

Все живые существа в природе (кроме человека) живут и действуют по программе, заложенной в их наследственных механизмах. Она осуществляется через целый набор инстинктов, необходимых на все случаи жизни, и является своеобразным врожденным «сводом правил» поведения животных, их отношения к себе подобным и к другим существам. Поэтому поведение животных достаточно предсказуемо, у них нет возможности выбора и способности действовать по своей воле и интересу, и, как правило, можно предвидеть их реакцию на ту или иную жизненную ситуацию. Другими словами, у животных, и вообще в природе, нет свободы.

Человек же одарен поразительным и уникальным свойством, принципиально отличающим его от всей окружающей действительности, — разумом. Поэтому он — лишь отчасти природное существо, он — лишь отчасти животное. Инстинкты играют хотя и важную роль в его жизни, но они у него заметно ослаблены. Программа, заложенная в наследственном механизме человека, не действует с «железной необходимостью», дает сбои, и человек может преступать заложенный этой программой «свод правил» поведения [22, с. 10, 11].

Оказавшись благодаря разуму вне природной зависимости, человек получил свободу, то есть перестал ощущать на себе действие инстинктивных предписаний и запретов (являющихся непреложными для «полноценных животных»), а если точнее, то осознал, что может «уклоняться» от их «исполнения» и способен, по выражению Канта, «самопроизвольно начинать ряд событий» [9, с. 313–333, 344, 311–501; 10, с. 221–311, 219–310].

Таким образом, свобода — неотъемлемое и как бы само собой разумеющееся проявление и атрибут человека, его разума. Человеческий разум, поскольку

он не является одним лишь инструментом одновариантных биологических инстинктов, как раз и представляет собой способность сделать собственный выбор. И значит, — способность выйти за пределы жестких, императивных, непререкаемых природных порядков и зависимостей, принимать решения по своему усмотрению.

Но выйдя за пределы системы природных зависимостей, человек как бы автоматически строит новую систему — систему отношений с себе подобными, социальную систему, или общество, в рамках которого придает природному пространству новое качество — делает его социальным. Поэтому, осознав свою изначальную свободу, осознав, что его воля не определяется внешней природной причиной, не подчинена природной необходимости, человек хочет, чтобы и в новой (социальной) системе его воля так же не определялась никакой внешней причиной (будь то государство, другой человек и т. п.). Иными словами, человек стремится построить систему социальных отношений так, чтобы в них была реализована его изначальная свобода, то есть он стремится организовать социальное пространство как правовое.

Реализация человеком своей свободы в социальных отношениях и означает конституирование правопорядка, то есть такого порядка, при котором существует совокупность условий, реально обеспечивающих свободу человека в обществе. Право, стало быть, возникает исключительно в аспекте личности, ее стремления реализовать свою свободу, как своего рода экспликация (развертывание) личного начала, и выступает как форма реализации (выражения) свободы, форма бытия свободы (форма свободы) индивида в обществе.

Однако как мыслящее существо человек понимает, что в полной мере реализовать свою свободу может, только установив некое правило этой реализации, иначе свобода превратится в произвол, или наступит анархия. Это правило и есть право. Оно состоит в том, что, реализуя свою свободу, индивид непременно должен допустить свободу всякого другого, которая равна его свободе и с которой он должен сообразовать свои произвольные действия. Индивид должен поступать так, чтобы его свобода могла сосуществовать со свободой всех людей, то есть должен установить право как объективную меру своей свободы.

Исходя из этого, право можно определить как совокупность условий, при которых произвол одного (лица) совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы. Право — это такая форма реализации свободы, при которой свобода каждого может быть ограничена свободой другого, насколько это возможно по всеобщему закону [11, с. 78, 59–106].

Данное определение с необходимостью предполагает, что в осуществлении свободы люди равны между собой, что право — это равенство свободных и равенство в свободе, общий масштаб и равная мера свободы индивидов. Оно предполагает тем самым, что право выступает в качестве своеобразной метрики социального пространства — «измеряет» его с точки зрения «всеобщего закона свободы».

Таким образом, субстанциальность человека по отношению к правовому бытию заложена в самой сущности человека. Человек как сущность, конституирующими элементами которой выступают разум и свобода, уже поэтому представляет собой правовое существо. Но подобные суждения указывают лишь на потенциальную заданность человеку при рождении правовой сущности, правовых качеств и свойств на то, что человек потенциально способен выстроить социальное пространство, в котором он действует, как правовое.

Парадокс заключается в том, что вектор социального движения противоположен: человек и человечество развиваются к свободе и праву из ситуации их первоначального отсутствия в социуме. И речь должна идти лишь о том, что человек (и целые народы) по своей природе (интеллектуальной и волевой), в отличие от других живых существ, может, потенциально способен путем своего совершенствования и развития прийти к правовым формам организации социальной жизни.

Другими словами, человек потенциально автономен — самодостаточен, самодеятелен, независим, способен не только осознать, но и самостоятельно реализовать свою свободу, установить ее в социуме в форме права. В тех случаях, когда это происходит, в полной мере проявляется субстанциальность человека по отношению к праву, он выступает как активная причина (детерминанта) права, как правопорождающее начало. Право же, в свою очередь, возникает как следствие субстанциальности личности, оно возникает на основе личности именно активной, автономной, остро и глубоко осознающей свою естественную, изначальную свободу и стремящейся во что бы то ни стало ее развернуть, реализовать, обеспечить в обществе.

Онтологический статус человека как правового существа формируется, таким образом, в отношении человека к свободе и в ее контексте — к себе. Если он рассматривает свободу как ценность, а себя — как свободную, автономную личность, как субстанцию права, то он таковой и становится. Тогда право и возникает как эмпирическое (социальное) явление, из возможности переводится в действительность, из потенциального бытия — в актуальное. Человек не только потенциально, но и актуально (в действительности) выступает как правовое существо, выстраивает социальное пространство как правовое, наполняет его правовым содержанием. Поэтому в данном контексте такое социальное пространство выступает как «наполненное». Оно включает в себя весь реализованный правовой потенциал человека, весь набор социальных институтов, воплощающих свободу индивида — правовых институтов (демократию, парламентаризм, конституционный строй, институт прав человека, гражданское общество, правовое государство и т. п.). В рамках подобного социального пространства человек полностью реализует свою потенциальную правовую сущность, в полной мере выступает как правовое существо.

Такого завершения генезиса человеческой природы, отмечал для своего времени (IV в. до н. э.) Аристотель, достигли лишь греки, другие же этносы (варвары), как люди с неразвитой (нравственно и умственно) природой, живут в дополитических и доправовых условиях деспотизма и рабства [1, с. 376–644].

Эту мысль Аристотеля актуализирует и развивает В. С. Нерсесянц, с которым в данном аспекте вполне можно согласиться. Действительно, древнегреческая (и в целом античная) протоправовая цивилизация стала основой для современной западной правовой цивилизации, в то время как спустя два с половиной тысячелетия многие люди и образуемые ими этносы еще так и не завершили, если следовать мысли Аристотеля, генезис своей политической и правовой природы, не достигли высот того политического и правового общения, которое на современном языке называется правовым государством [23, с. 41, 42].

Древние греки как носители нового типа ментальности первыми в мире осознали свою изначальную свободу и предприняли попытку реализовать её в социуме. Они создали один из главных компонентов правового пространства — правовую «вертикаль»: то есть такую

систему регулирования отношений между «верхом» и «низом» социального пространства, между властью и «рядовыми», подвластными субъектами, которая предполагает свободу и независимость граждан, признаёт их источником власти и, таким образом, фактически аннулирует традиционное деление социальных субъектов на «верхи» и «низы». Был введён новый (демократический) способ сосуществования, взаимодействия и координации элементов социума, согласно которому «верхи» и «низы» утрачивают своё статичное, навечно закреплённое, незыблемое положение в социальном пространстве. «Верхи» начинают формироваться «низами» для обслуживания их интересов, становятся подконтрольными последним и превращаются в одну из социальных ролей, которую на основании закона может «получить» и «исполнить» любой представитель «низов». Создав демократию (эту невиданную ранее, принципиально новую для того времени систему государственного права), греки создали тем самым одну из главных «несущих частей» правового здания, его «направляющую», определили магистральное направление дальнейшего правового строительства и тем самым начали наполнять социальное пространство правовым содержанием.

Следующий шаг в этом направлении сделали древние римляне. Они продолжили «дело» греков и создали второй из главных компонентов правового пространства — правовую «горизонталь»: то есть такую систему регулирования социума, которая вообще не оперирует понятиями «верха» и «низа», действует, «не взирая» на отношения «власти — подчинения», рассматривает социальное пространство как однородное: предполагает «равновеликость» граждан, их свободу и независимость как частных лиц, частных субъектов, частных собственников в отношениях друг с другом. Создав и доведя до совершенства систему частного права, римляне внесли свой вклад в начатый греками процесс «расширения» свободы в социальном пространстве и соответственно — в процесс формирования правового пространства.

Германские племена, пришедшие на смену античной цивилизации, во многом восприняли её культуру и, «вобрав» в себя греко-римскую ментальность («став» романо-германскими народами), двинулись в направлении, заданном греками и римлянами, — довели до логического завершения «расширение» свободы — заполнили ею весь «объём» социального пространства и тем самым достроили правовое здание, «доформировали» правовое пространство — создали уже в Новую эпоху правовое государство. Правовое государство является именно тем главным и последним институтом в указанном выше наборе правовых институтов, «комплектование» которыми социального пространства превращает его в правовое.

Иными словами, право в полной мере обнаруживает себя только в социальном пространстве Запада. В этом смысле именно западная цивилизация выступает как правопорождающая. В её основе лежит автономный тип личности, который остро и глубоко осознает свою изначальную свободу как ценность, стремится реализовать ее в социуме в форме права, то есть в виде системы социальных норм, и поэтому становится субстанцией и детерминантой права. Право, таким образом, выступает как результат ментальности западного типа, с необходимостью предполагается западной социальной традицией, представляет собой логический момент создаваемой западным (автономным) типом личности антропосферы. Поэтому западную социальную традицию, приведшую к возникновению правового государства, можно рассматривать как способ актуального бытия права.

Если же человек не признает ценность свободы и себя определяет как гетерономную личность, не обладающую изначальной свободой, не считает себя субстанцией права, то он ею и не становится. Право в этом случае так и не возникает как эмпирическое (социальное) явление, за него выдается оформленный в законе государственный произвол. Само же право в его истинном смысле существует лишь как возможность и не переводится в действительность, оно не становится актуальностью и существует лишь в сфере потенциального бытия. Здесь человек не актуализирует свою потенциальную правовую сущность, а значит, и не выступает в социальной действительности как правовое существо, не превращает социальное пространство в правовое, не наполняет его правовым содержанием.

Данное социальное пространство в правовом смысле является «пустым»: в нем отсутствуют правовые институты. Оно обнаруживает себя в незападном мире. Незападные народы в ходе своего развития не пришли (на своей собственной, внутренней основе) к правовым формам организации социального пространства. В основе незападных цивилизаций лежит гетерономный тип личности как проявление ментальности восточного типа (о ментальности западного и восточного типов см. подробнее: [2, с. 173–177]), который сам себя не рассматривает как изначально свободное, автономное существо и поэтому не становится субстанцией и детерминантой права, системообразующим условием правового пространства. В ряде незападных стран, однако, после появления Запада предпринимаются попытки организовать социальное пространство как правовое на инокультурной, «западной» основе.

Социокультурную ситуацию, возникшую с появлением Запада в контексте общей теории коммуникации [14; 24; 25], можно представить как развернувшееся в мировом социальном пространстве коммуникационное взаимодействие «Запад—Незапад». Запад выступил как отправитель информации о новых (либеральных) социокультурных стандартах (в том числе о праве), тем самым как бы бросив вызов всему остальному миру. Незападный мир оказался в ситуации получателя информации и решил ответить на вызов Запада перестройкой своих внутренних структур — модернизацией.

Правовой аспект модернизации состоит в том, что в процессе передачи информации о праве возникает так называемый шум** — право как оригинал-объект западного отправителя информации неадекватно переводится в мысли ее незападного получателя, поскольку западные «правопорождающие» идеи и ценности (свобода и автономия личности, индивидуализм и др.) «разбиваются» о незападные традиционные (гетерономные) ментальные структуры и искажаются. Ментальностью восточного типа эти идеи воспринимаются не как внутренние, выношенные и выстраданные ценности, а как внешние, привнесенные, «чужие» идеи, ценностями, по большому счету, не являющиеся. Все это, по нашей мысли, приводит к тому, что даже в ходе коммуникационного взаимодействия «Запад—Незапад», влияния западного способа бытия на незападный, не происходит полной актуализации права в незападном мире, оно не усваивается как целое, как система. По этой причине в той части незападных стран, которые, хотя официально и продекларировали переход на западные правовые ценности (демократию, парламентаризм, идею естественных прав-свобод человека и т. п.), не происходит глобальной (принципиальной) внутренней правовой трансформации. В этих странах не возникает (по крайней мере, пока) правовое государство в качестве системы правового регули-

рования социальных отношений, действующей как по горизонтали (отношение «индивид ↔ индивид»), так и, что более важно, по вертикали (отношение «индивид (общество) → государство»). В силу этого незападное социальное пространство остаётся как бы «недоукомплектованным» правовыми институтами и в ходе преобразований превращается не в собственно правовую, а в квазиправовую действительность. Оно даже при объявленных правовых преобразованиях сохраняет неправовую инвариантность (неизменность), «хранит верность» своей прежней (традиционной, нелиберальной) сущности.

Из вышеизложенного следует, что всемирное социальное пространство (в правовом аспекте) дихотомично (разделено на правовое и неправовое) и поляризовано: топологически привязано к координатам Запада—Незапада. Оно выступает как западное (правовое) и незападное (неправовое).

Творцом правового пространства выступает западный индивид как автономная личность, как «homo juridikus» («человек правовой») (см. об этом понятии подробнее в работе [15]), для которого характерно «эксклюзивное» стремление к свободе. В своей социальной деятельности, связанной с притязанием на свободу, западный человек (как правовая личность, правовое существо) непрерывно создает (воссоздает) правовое пространство и тем самым проявляет свою правовую сущность, представляет себя в своей полноте, реализует себя целиком.

Таким образом, правовое пространство должно быть понято как сфера самосознания, самовыражения и экстраполяции (распространения) автономной личности. Оно оказывается той социальной реальностью, в которой проявляются «либералистские» рефлексивные способности индивида, его интенции к свободе.

Правовое пространство тем самым является точкой связи субъективного и объективного моментов бытия человека как правового существа, представляет собой насыщенную субъективностью правовую реальность, правовую жизнь человека.

В этом смысле правовое пространство должно рассматриваться как форма правовой жизни, правовой экзистенциал как отдельного человека, так и общества в целом, т. е. как субъективно-идеальная и субъективно-реальная правовая структура.

Правовое пространство как субъективно-идеальная структура — это пространство притязаний на свободу (правовых притязаний) отдельной автономной личности, пространство правового субъекта, правовой личности. Оно предстает как нечто предданное субъективно — реальному (эмпирическому) правовому пространству, как некое «внутреннее» правовое пространство, правовой микрокосм. В этом смысле отношение «автономная личность—правовое пространство» можно представить как отношение «свернутость—развернутость». Субъективно-идеальное правовое пространство — это правовое пространство в свернутом, или инкорпорированном, состоянии, то есть в самом человеке.

Правовое пространство как субъективно-реальная структура возникает между множеством автономных личностей как пространство зависимостей, отношений и действий различных правовых субъектов, а в конечном счете — как структура права в его самостоятельном, отчужденном от каждого отдельного субъекта бытии. Субъективно-реальная структура правового пространства — это правовое пространство в его развёрнутом, объективированном состоянии, то есть вне человека. Оно представляет собой правовое общество — такую социальную реальность, в которой притяза-

ния на свободу каждой из автономных личностей осуществились и закрепились во всех основных видах социальных отношений (экономических, политических, моральных, религиозных, эстетических и т. п.), во всех основных социальных институтах. Здесь все социальные отношения «содержат» в себе свободу и поэтому оказываются вовлечены в сферу действия права, детерминируются правом, выступают как отношения в связи с правом и на основе права (например, экономические отношения закрепляются правом на свободу собственности, политические отношения — правом на свободу политического волеизъявления, религиозные отношения регулируются правом на свободу совести, эстетические отношения — правом на свободу творчества и т. п.). В правовом обществе право в полной мере проявляет себя как форма бытия свободы: именно в её аспекте оно согласовывает различные виды социальных отношений и придаёт этому разнообразию системное единство.

Правовое пространство возникает в момент действования субъекта в сторону свободы (его правового «включения»). Человек обозначает социальные цели пространственно, как пункт назначения, говорит об их реализации, достижении будущего состояния как о движении вперед. Так происходит и в отношении свободы. Человек обозначает свободу как социальную цель пространственно: и по «горизонтали», и по «вертикали». Обозначая свободу по «горизонтали», человек представляет ее как некую протяженность, «территорию», которую можно «измерить» в микро- и макромасштабе. Свобода в «микромасштабе» — это зона беспрепятственного самопроявления, самоопределения индивида. Ее границы — это границы свободы другого индивида. Свобода в «макромасштабе» — это территория государства, на всем протяжении которой установлен режим свободы (т. е. правовой режим). Границы «макросвободы» совпадают с внешними границами правового государства. Обозначая свободу как социальную цель по «вертикали», человек устанавливает правовой способ организации отношений власти и «рядовых» граждан, государства и общества, меняет традиционное (*до*- или *не*правовое) расположение «верха» и «низа» социального пространства: организует его так, что нормы права рождаются не «вверху» (в государственных, властных структурах) а «внизу», в гражданском обществе, в процессе самопроявления свободных индивидов, взаимодействия их интересов***.

Таким образом, в контексте правовой топологии социума человек — не есть некая бессодержательная и функциональная точка социального пространства. Его социальное бытие субстанциально. Он отличается от «тектора» — простого «строительного рабочего», исполняющего план, «спущенный сверху», исходящий от надличностного, сверхиндивидуального начала (бога, государства, церкви, общины и т. п.). Человек выступает как «*архи*тектор», то есть как «зодчий», творец, создающий такое социальное пространство, в котором он имеет возможность свободно действовать и изменяться, а не существовать, как всегда, равный самому себе, несамостоятельный элемент.

Будучи наполнено человеческим содержанием, право занимает в структуре социального пространства центральное место. Оно отображает место, которое подобает занимать человеку. Занимая это место, право выражает антропоцентристские связи социального пространства, задаёт и сохраняет общий (либеральный) порядок разных человеческих деятельностей.

Итак, мы выяснили, что место права в структуре социального пространства может быть «найдено» только «с помощью» человека, определено именно в ас-

пекте его понимания, т. е. на более высоком уровне обобщения. Выходя на этот уровень, топологический анализ права с необходимостью вступает в проблемное поле философской антропологии, становится средством философского осмысления человека, начинает «работать» на получение полного и всестороннего знания о нем. Топология права «превращается» в органичную часть философской антропологии, предстает как аспект философии человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Топология в переводе с греческого языка (топо — от греч. topos — место + логия от греч. logos — учение, наука) — это буквально наука о месте. См.: Современный словарь иностранных слов. М.: Рус. яз., 1993. С. 345, 612.

** Понятие теории коммуникации, означающее искажение информации. Подробнее см., напр., *Петрушенко Л. А.* Указ. соч.

*** В традиционных обществах структура социального пространства определяется тем, что целью и ценностью считается не индивид сам по себе, а некое начало, превышающее его пределы, сверх- или надындивидуальное. Оно предпосылается индивиду как некая тотальность (целое, общее, полнота) и тот рассматривается по отношению к ней либо в качестве несамостоятельной части (если речь идёт о целом), либо в качестве не имеющего смысла в самом себе единичного (если речь идёт об общем), либо в качестве односторонности (если речь идёт о полноте). Только как момент тотальности индивид в глазах «традиционных» организаторов социального пространства и может обрести ценность и смысл своего бытия. Такой подход, ценностно ориентированный не на индивида, а на тотальность, на определение индивида только в аспекте тотальности, можно обозначить как тоталицистский, или тоталицизм. Тоталицизм является той установкой, на основе которой формируется традиционное представление о личности и соответственно традиционная структура социального пространства. Согласно этому представлению, личность не обладает свободой изначально, от рождения, а может обрести её только в «единстве» — как момент тотальности, то есть если откажется от своей автономии в пользу, например, общины, церкви, государства и т. п. как социального целого. Такая личность, если использовать терминологию Канта, гетерономна — может действовать, строить свою жизнь только на основе чужого предписания, установки, исходящей от внешнего объекта. Это чужое принудительное предписание и подменяет собой право. Вот почему в традиционных обществах субстанция права «расположена» «вверху» социального пространства — усматривается в тотальном, сверхиндивидуальном начале (божественной воле, государстве). Оно задает индивиду норму поведения, которой тот обязан подчиняться, даже если она чужда его воле и интересу. Навязанная индивиду извне норма поведения, выражающая чужую волю, реализуется в законах, неисполнение которых карается властью. Они и отождествляются с правом. Поэтому все критерии права и произвола идут «сверху» — от бога и (или) государства, а индивид таким критерием не обладает. Право, таким образом, противопоставляется свободе и утрачивает тем самым свою специфическую сущность. Оно понимается как инструмент принуждения «низов» к послушанию «верхам» (власти) и выражает не интерес индивида, а лишь абсолютный государственный интерес. Всё это порождает такую социальную ситуацию, в которой право в его истинном смысле (как форма свободы индивида) и не может возникнуть.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аристотель*. Политика. Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 4.

2. *Бачинин В. А., Сальников В. П.* Философия права: Краткий словарь. СПб.: Лань, 2000. 400 с.

3. *Белоусов А. И.* Эстетика и топология. (http://www.PHILOSOPHY.ru/library/fm/belousov.html).

4. *Болтянский В. С., Ефремович В. А.* Наглядная топология. М.: Наука, 1982. 160 с.

5. *Бурбаки Н.* Общая топология. Топологические группы. Числа и связанные с ними группы и пространства / Пер. с фр. М.: Наука, 1969. 392 с.

6. Геометрическая топология и теория множеств: Сб. статей. М.: Наука, 2004. 304 с.

7. *Зейферт Г., Трельфалль В.* Топология / Пер. с нем. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2001. 448 с.

8. *Каев А.* Шаг 3 — Понятие топологии. (http://helpsite. narod.ru/gis/arcinfo7/3.htm).

9. *Кант И.* Критика практического разума. Соч.: В 6 т. М: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 1.

10. *Кант И.* Основы метафизики нравственности. Соч.: В 6 т. М: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 1.

11. *Кант И.* О поговорке «Может быть это и верно в теории, но не годится для практики». Соч.: В 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 2.

12. *Карпинская Р. С., Лисеев И. К., Огурцов А. П.* Философия природы: коэволюционная стратегия. М.: Интерпракс, 1995. 352 с.

13. *Кемеров В. Е.* Социальная философия: Учеб. для высшей школы. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. 384 с.

14. *Клюев Е. В.* Речевая коммуникация: Учеб. пособие для университетов и институтов. М.: Приор, 1998. 224 с.

15. *Ковлер А. И.* Антропология права: Учеб. для вузов. М.: НОРМА, 2002. 480 с.

16. Культурология. XX век. Энциклопедия: В 2 т. Т. 2. СПб.: Университетская книга, 1998. 447 с.

17. Культурология: Краткий словарь / Под ред. И. Ф. Кефели. Изд-е 2-е, доп. и перераб. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1995. 45 с.

18. *Куратовский К.* Топология / Пер. с англ.: В 2 т. М.: Мир. Т. 1. 1966. 594 с. Т. 2., 1969. 624 с.

19. Mixtura verborum`2006: топология современности: Сб. ст. / Под общ. ред. С. А. Лишаева. Самара: Самар. гуманит. академ., 2007. 180 с.

20. *Мамардашвили М. К.* «Психологическая топология пути». (Пруст М. «В поисках утраченного времени») // Нева. СПб.: РХГИ, 1997. 568 с.

21. *Мещерякова Е. М, Сабинин Л. В., Ндахайо Ф.* Топология как отражение культуры и жизнедеятельности. (http://www.referat.com/catalog/?download=4140.doc.0).

22. *Мушинский В. О.* Основы правоведения. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Междунар. отношения, 1995. 256 с.

23. *Нерсесянц В. С.* Философия права: Учеб. для вузов. М.: ИНФРА • М — НОРМА, 1997. 652 с.

24. *Петрушенко Л. А.* Единство системности, организованности и самодвижения (О влиянии философии на формирование понятий теории систем). М.: Мысль, 1975. 286 с.

25. *Петрушенко Л. А.* Принцип обратной связи. (Некоторые философские и методологические проблемы управления). М.: Мысль, 1967. 277 с.

26. *Потемкин В. К., Симонов А. Л.* Пространство в структуре мира. Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1990. 176 с.

27. *Прасолов В. В.* Наглядная топология. М.: МЦНМО, 1995. 112 с.

28. *Рогожин В.* Бытие и Закон. ОнтоТопоЛогия (http://www.edu-zone.net/show/194249.html).

29. *Сакутин В. А.* Топология вины и проблема одиночества в фундаментальной онтологии Хайдеггера. (http://www.edu-zone.net/show/165722.html).

30. *Серкова В. А.* Топология метафизического пространства: Ф. Кафка «Замок» // Метафизические исследования: Альманах Лаборатории метафизических исследований при философском факультете СПбГУ. Вып. 4. Культура. СПб.: Алетейя, 1997.

31. Социологический энциклопедический словарь. М.: Изд. гр. ИНФРА • М — НОРМА, 1998. 488 с.

32. *Степин В. С.* Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.

33. *Стинрод Н., Чинн У.* Первые понятия топологии. Геометрия отображений отрезков кривых окружностей и кругов. 2-е издание. М.: ЛКИ, 2007. 236 с.

34. *Столярова О. Е.* Социальный конструктивизм: онтологический поворот (Послесловие к статье Б. Латура) // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. 2003. № 3.

35. *Тхостов А. Ш.* Топология субъекта (опыт феноменологического исследования) // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1994. № 2.

36. *Тхостов А. Ш.* Топология субъекта (опыт феноменологического исследования) // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1994. № 3.

37. *Хамитов Р. Н.* Личность в правовом пространстве: Автореф. дис. … д-ра филос. наук. Чебоксары, 2007. 44 с.